

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
В54

Витухновская, А.А.

В54 Черная икона русской литературы / Витухновская А.А. — Москва : АСТ, 2015. — 224 с. — (Поэзия.ru). ISBN978-5-17-094540-5.

Если и существует в природе тёмный логос, антислово, с избытком перекрывающее изначальный смысл профанического «первого слова» Бытия, то без сомнения, это логос Алины Витухновской, осевший подобно смертоносной радиоактивной пыли в её новой книге. Антивещество, включённое в её состав, гарантирует мыслящему читателю не только «разрыв шаблонов», но и уничтожение той подложки, к которой они прикреплены. И делается это не для нужд простого увеселения или же модного ныне «троллинга» обременённых ложными и лицемерными моральными стереотипами обывателей, а для придания колоссального импульса тотальной и безоговорочной деструкции всего изначально-бессмысленного, отжившего, инерционного.

**УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5**

Литературно-художественное издание

16+

Витухновская А.А.
Черная икона русской литературы

Ведущий редактор *Данишевский Илья*
Художественный редактор *Лебедева Виктория*
Корректор *Мокина Татьяна*
Технический редактор *Тимошина Татьяна*
Компьютерная верстка *Анны Грених*

Пописано в печать 24.09.2014. Формат 60х100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,0. Тираж 2000. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93; 953000 – книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ».
129085, РФ, город Москва, Звездный бульвар, дом 21,
строение 3, комната 5

© ООО «Издательство АСТ»

«Я вас периодически читаю, и если честно, никогда бы не подумал, что такой человек вообще может существовать где-то кроме книг или фильмов».

Автор неизвестен

НЕЧТО ВРОДЕ ИДЕАЛЬНОГО ПРЕДИСЛОВИЯ

Мысля нечто, совершая некий поступок, вынося некое суждение, человек декларирует себя субъектом этого мышления, этого полагания чего-то чем-то, субъектом суждения о чем-то, морального и эстетического, субъектом поступка. Сразу понятно, что декларация еще не конструирует человека в качестве субъекта, ведь люди выносят автоматические моральные и эстетические суждения, подсказанные властью расхожих мнений или мнимой рациональности, так называемого здравого смысла. Субъектность нужно произвести. А сколько ни говори «сто рублей», в кармане они не появятся.

Точно так же и быть субъектом своих поступков — это привилегия немногих, как правило. Быть субъектом своего поступка означает **принимать** совершенный поступок **на себя**, признавать себя произвольным деятелем, свободным делателем этого поступка. А значит, не оправдывать поступок ни его соответствием принятым моделям, ни его разумностью, очевидной для других, ни его вынужденностью, утверждать возможность того, что поступок мог бы быть другим, и настаивать непреклонно на том, что свободная, личная воля — источник, хотя бы и не единственный, данного поступка.

И тут мы упираемся в дилемму махрового биологического детерминизма и свободы... У человека есть потребности, «любовь и голод», как заявлял поначалу Фрейд, потребности, неустранимые от того, что тело включено в биологические ритмы, в «металлические истины» обусловленности. Одновременно оно, однако, включено и в жизнь политическую — жизнь полиса, социума, жизнь социальную. Но как политическое тело, как «Я», тело человека уже не ограничивается первичными потребностями. Оно нуждается в субъектности,

в осознанном произволе сверхбиологического «Я», в *самообусловленном, самочинном* праве быть субъектом права. Иначе человека социального из человеческого тела не получается, а имеются все те же потребности, которым вынуждено служить «Я» просто для того, чтобы телесная жизнь продолжалась. И такое «Я» будет всегда объектом, «вещью-себя», малодушно подчиняя потенциальный произвол рабству.

Человек в рабстве у биологического, животного бытия — первый, черновой каркас предлагаемой нами мысли, очерк схемы. Но полнота рисунка и колорит придаются тем, что и формы удовлетворения потребностей, и формы конструирования себя как одного из многих, роля, составляющих данный полис, детерминированы и регламентированы теми, кому принадлежит в этом полисе власть, упорядочивающее начало, *архэ*, задающее *чин* вещам.

Средства производства субъектности находятся в чужих руках, а значит, и субъектность овеществляется, отчуждаясь от «Я».

Получается двойное рабство — у матери сырой земли и у царя-батюшки. Рабство у архонта физического мира: «плененные звери» Сологуба, замкнутые страхом смерти в жизни, — и рабство у архонта мира социального, у своего бытия-чем, бытия чем-то, каким-то объектом, ложно представляемом как «субъект». Эти две стороны рабства человека у Демиурга, но они прочитываются в едином тексте, прошитом нашими венами. Здесь «садистически нервное порно/обнаженного жаждастья власти» укрощено и усмирено Левиафаном, монополизовавшим садизм и власть.

Мне представляется, что во многих текстах Алины Витухновской различим **антидемиургический пафос** сокрушения архонтов, похищения их «полномочий»:

С механической похотью бога,
подлеца металлических истин,
Мы желания членами трогать
будем плоти реальности склизкой.

Или в эссе «Колобок Гностический Герой». Колобок выходит из семейного быта, из его теплой патриархальности, граничащей с фетишизмом и деспотическим принуждением. Колобок покидает пространство, где создается природный человек. Ведь наивно было бы полагать, что «природный человек» сам собой у себя заводится. С самых ранних лет похвальность и табуирование «испекают» природного человека. Семья создает природного человека в качестве заготовки человека социального, но такого, который никогда сам не произведет субъектности, а всегда будет нести свою объектность тем, кто готов ее потребить, облыжно приписав ей трафаретную, бутафорскую субъектность. Их мы и называем архонтами.

Школа, церковь, все формы коллективной жизни подготовлены приятием себя как части для целого, части, «заточенной» под целое, а это приятие испекается семьей, табуирующей сексуальность и насилие в их анархическом своеволии, дающей образцы и кодифицирующей вождение и агрессию. Нет, семья не подавляет их, она в своем заботливом конформизме старается оформить их такими, чтобы они были приняты, употреблены социально.

В современной ситуации все становится объектом для тотального государства, которое навязывает индивидууму поведенческие, мировоззренческие и речевые модели, владеет явно или тайно всеми **средствами производства субъектности**. Через использование этих моделей, созданных не тобой, — указывает

государство, — ты можешь отчасти удовлетворить свои потребности. Насколько они свои? Уже непонятно. Ведь любовь, агрессия и голод подверглись кодификации. Нельзя ребенку поедать экскременты, нельзя подростку желать партнера своего пола, нельзя открыто проявлять враждебность. Энергия закупорена в теле, по канальцам обмена проходят ее убогие крупички. Поэтому обретает особую значимость «холодная девочка Лида» из одноименной поэмы Витухновской. Это и запретная Ло-ли-та, и Lid, немецкая песнь, ведь язык художественной выразительности кастрирован администрацией, от администрации журналов и издательств до... администрации политико-экономической. Невроз современности — это кастрация языка, вырезание языка, наводящее тошнотворный страх. Так не говорят, а говорят эдак. Эти слова не сочетаются. Это слово означает не то. Правильно говорить таким-то образом. Одно — смехотворно, другое — ненаучно, третье — двусмысленность, четвертое — смешение понятий (о, смешение понятий!), пятое — неуместно, шестое — неприлично, седьмое — инфантильно...

Дело не в скрупулезной редакции, близоручко сверяющейся с Розенталем, а в том, что в современном языке утрачивается субъектность говорящего, его идентичность — рассредоточивается по «дискурсивностям», стилистическим регистрам, сферам специальных дисциплин, зонам применения тех, а не иных критериев истинности. Дело в том, что обывательский или бюрократический узус, подобно научному или религиозному, закрепляет за словами и словосочетаниями исподволь, а иногда и открыто, принудительные особые значения.

Чтобы быть понятным, даже просто выслушанным, нужно выстраивать высказывания с оглядкой на их узу-

альный смысл, произведенный кем-то, не тобой. Словари и энциклопедии переписываются, положительные и отрицательные коннотации перераспределяются при дружественном молчании апатичного большинства, которое, чего таить, привыкло получать языковые конструкции, фразы готовыми, ассоциативные связи запрограммированными — от журналистов, лидеров, аналитиков, телеведущих и прочих «профессионалов», из посредственной или устарелой, банализированной литературы, из сериалов и штампов школьных сочинений.

Но язык большинства не образует тотальности, из него вырывается литературное высказывание. Это резервация, где якобы языку предоставлено чувствовать себя, как писал Рикер. Однако язык, чувствующий себя в резервации, стерилен, покуда не затрагивает устои политической жизни в широком смысле от политесов до полиции (Деррида), то есть пока не вырывается из нее, из дурной трансцендентности, этого сугубо писательского (или философско-публицистического) загончика для рафинированной игры в бисер, далекой от ежедневной жизни. Язык высвобождается для актуализации деструктивной и конструктивной энергии индивида в среде, где индивид не разделен условно-добровольным договором на «писателя» и «гражданина», на «играющего» и «серьезного». В этой плодотворщей среде смешиваются религиозно-мистический, политический, этический, репортажный, рационально-познающий, правовой и лирический дискурсы, разделенные шизоидальностью, то есть интериоризированным членением социального мира. В этой среде можно быть субъектом своих высказываний, а не просто тем, кто их произносит.

Это и происходит у Алины Витухновской, с ее любовью к самовозгорающейся фонике, бесцеремонно во-

влекающей значения, удаленные от области лояльного «лиризма». Та омофония, паронимия, которую столь привычно подавлять для того, чтобы понимать языковые клише расхожей мещанской идеологии.

Я твой Чик-Атило, Отелло,
Твой кич в молчаливой ночи.
Я вышел на мокрое дело.
Дрожи, Госпожа, и молчи!

Ассоциации одинокого маньяка с Аттилой уже дестерилизует последнего, известного узуально как царь варваров, разрушивших Римскую империю. Но переход к Отелло, которого «должно» воспринимать сугубо эстетически, то есть — не серьезно, игрушечно, «размораживает» в зацитированном шекспировском герое того большого хищного зверя, которого из-за «классичности» пьесы мы уже с трудом опознаем. Ведь Аттила от нас далек, а Отелло мы сопереживаем. Слово «кич», недвусмысленное «чик» наизнанку, вталкивает обратно с театральных подмостков в план повседневного бытия школьно-знакомых персонажей, в которых культура сублимировала деструктивные позывы до пустопорожней романтики, если не сантиментальности. И «холодная девочка Лида» из Ванды Захер-Мазоха, «Венеры в мехах», превращается в жертву садиста, происходит «девальвация Ванд».

Витухновская сама называет в «Колобке» среди актуальных авторов Хлебникова и Крученых, «поэтического Хайдеггера» и его ученика. Именно в творчестве одного из крупнейших русских поэтов, Велимира Хлебникова, язык не просто «чествовал себя», а пересек все границы между «дискурсивностями», навязанные языку извне, администрацией полиса. И это не был келей-

ный эксперимент, Хлебников упрямо не соглашался с тем, что его вычисляемые законы судьбы — художественная игра, трансцендентная историческому знанию и науке, лингвистическим исследованиям и событиям современной истории. Его «Ночь перед Советами», «Ночной обыск» — это великолепные репортажи, которым надо искать соответствие в «Солнце мертвых» Шмелева, в «Двенадцати» Блока. В религию, в фольклор, в графику, в хеппенинг из элитарно-башенных забав — это Хлебников. Крученых перенес понятие *сдвига* из побочных заметок о поэтических ляпсусах в центр понимания поэтики. Сдвиг — это слово, вырывающееся из конвенционального синтаксиса в непристойность, в гомиофонию, в двусмысленность, в смешение понятий. Принцип синтаксической поливалентности словоформы, казалось бы, однозначно определенной в данной фразе. Ведь слова существуют не в словаре, а в синтаксисе фраз, придающем словам конкретные смыслы и коннотации.

Хотелось сказать о многом, а получилось — лишь о нескольких моментах. Но эти моменты не самые незначительные, а возможно, и узловые. И не только для понимания Витухновской-поэта, но и для понимания Витухновской-политика: человека, в своем полисе желающего быть субъектом права, производящим свою субъектность, а не получающим ее извне, откуда-то, из абстрагированного полиса, конкретизирующегося в полиции.

Александр Мурашов

УМРИ, ЛИСА, УМРИ

Промолчу, как безъязыкий зверь.
Чтоб узнать, что у меня внутри.
Разложи меня, как тряпочку в траве,
И скажи: «Умри, лиса, умри».

Покатились по лесу глаза,
Чтоб на себя не посмотреть.
Ты сказал: «Умри, лиса, умри».
Это значит нужно умереть.

Промолчу как рыба и мертвец,
Чтоб тебе спокойно говорить.
Разложив меня, как тряпочку, в траве:
«МРИЛИСАУМРИЛИСАУМРИ».

Ржавым будущим по мне прошлась коса.
Полумесяц вынул острый нож.
Все сказали мне: «УМРИ, ЛИСА, УМРИ, ЛИСА».
Все убьют меня, и ты меня убьешь.

Я уже не слышу голоса.
Если хочешь, все же повтори:
«РИЛИСАУМРИЛИСАУМРИЛИСА
САУМРИЛИСАУМРИЛИСАУМРИ».

Не узнаешь своего лица,
Попадая вновь все в тот же ритм.
Только не УМРИЛИСАУМРИЛИСА,
А УМРИ И САМ УМРИ И САМ И САМ УМРИ.

Посмотри в мои красивые глаза,
Я хочу тебе их подарить.
Помолись: «УМРИЛИСАУМРИЛИСАУМРИЛИСА»
ИЛИ САМ УМРИ И САМ УМРИ И САМ УМРИ.

Я затем даю себя убить,
Чтоб в шубийство кутаясь в мороз,
Ты бы мог рукой пошевелить,
Как когда-то шевелился хвост.

Перед зеркалом ты рыжий шерстяной,
Словно зверь с чудовищем внутри.
Ты однажды отразишься мной.
Я скажу тебе: «УМРИ, ЛИСА, УМРИ».

ЩЕЛКУНЧИК НИЦШЕ

Когда голов орешки грецкие
Скучающий Щелкунчик выберет,
То Смерть придет, как сказка детская,
Придет она, Богиня Гибели.

Грядут кровавые репрессии
Во вновь отстроенных Бастилиях.
Голубоглазым скучно бестиям,
Они тоскуют по насилию.

И арестанты ждут пристанища,
Чтоб вместе бредить Революцией.
А на допросах их товарищи
Безлицым хохотом смеются.

К глухим богам взывают нищие
И глупо молятся убогие.
И Истина ясна, как Ницше.
И гнилостны останки бога.

ТО ЛИ ЧЕГО-ТО ЖЕЛАЕТ РУСЬ

То ли чего-то желает Русь,
То ли нам скучно без,
Все безразлично уже, так пусть
Кружится черный бес.

Бредит больной серебряный Блок.
Начинается страшный век.
Каждый раз, когда умирает бог,
Рождается человек.

Город ложится в свой Питер-гроб.
Народ похотливо пьян.
Блудливых рабов собирают, чтоб
Выдавливать кровь в стакан.

И, выпив жадно, мотать на ус
Водоросли их тел.
У тех, кто любит их липкий вкус,
Лица бледны как мел.

И хищностью морд, насекомой тьмой,
чудовищем рыхлых рыл
Морщинисто-общий узор сквозь гной
Их тайную суть открыл.